

В столице выступил Жоао Донато

Концерт в Большом зале консерватории довершил музыкальное образование москвичей по части неанглоязычных исполнителей: после многочисленных гастролей кубинских, испанских, балканских, даже кабовердеанских звезд пришел черед и главного бразильского достижения — боса-новы.

Алексей МУНИПОВ

Даже странно, что Жоао Донато, одного из королей и основоположников этого жанра, привезли так поздно. По-хорошему должно было быть наоборот: уж что-то, а «Девушку из Ипанемы» знают все. Боса-нова — это самый демократичный и популярный жанр из всего многообразия world music, давно, впрочем, переросший границы этого определения (тем более что его придумали лишь в начале 90-х, а первое рождение боса-новы случилось в середине пятидесятых), а посему гастроли любых его представителей — вариант практически беспроблемный. Между тем Москва успела распробовать музыку, кажется, со всех

континентов и даже оценить вереницу европейских лаунж-артистов, обязательно играющих в числе прочего модернизированные варианты боса-нов и почитающих Антонио Карлоса Жобима и Жоао Джилберто за натуральных святых, — и только теперь дошло дело и до оригиналов.

Жоао Донато — фигура примерно того же порядка, хотя его имя известно куда меньше. Между тем Жоао Джилберто всегда говорил, что боса-нове он научился, глядя, как играет Донато. Фирменное фортепиано Донато слышно на альбомах Аструд Джилберто, Антонио Карлоса Жобима, Жоао Джилберто и его дочки Бебел, Казтано Велосо, Кэла Тжалера, Тито Пуэнте и еще на доброй сотне пластинок (только собственных альбомов у

него около тридцати), а классические боса-новы, вроде «Amazonas», исполнялись бесчисленное количество раз. Московская публика всех этих подробностей не знала, но магия коротенького словечка «боса-нова» сделала свое дело: консерваторский зал набился почти до отказа.

Донато — невысокий коренастый бразильский дядюшка — выступал при поддержке своих контрабасиста и ударника, а также Государственного академического камерного оркестра России, как-то очень удачно вписавшегося в состав. Время от времени выходил и другой важный человек — Вэл Грин, тромбонист, знаменитый тем, что некогда играл в оркестре Фрэнка Синатры. Более Грин, вообще говоря, ничем особенно не знаменит, но играл он как-то особенно мягко, ни единой нотой не разрушив общего благолепия.

Два отделения концерта на 90 процентов были наполнены собственными сочинениями Донато

— тихими, спокойными и невероятно умиротворяющими. Сам Донато играл на фортепиано — и делал это очень мирно и скупно, без всякого показного блеска и техничных импровизаций. Конферансье, комментирующий происходящее в лучших традициях филармонических абонементов для самых маленьких, даже счел нужным пространно предупредить возможный конфуз, процитировав самого Донато, который на вопрос какого-то журналиста «Почему вы играете так мало нот?» посоветовал слушать между нот. Выглядело это так, словно бы ведущий извиняется перед публикой за недовес; чуть позже он в той же манере извинился за отсутствие импровизаций и вообще положенной джазовой экспрессии — мол, такие у них, в Бразилии, музыки, ничего не попишешь.

Публике, однако, этих разъяснений вовсе не требовалось. Она с видимым удовольствием и овациями слушала и известные ве-

ИТАР-ТАСС

Короля боса-новы засыпали цветами

щи Донато, и неизвестные, и его интерпретации Баха и Массне, сыгранные все в той же, размеренной тропической манере. И,

конечно, «Девушку из Ипанемы», сыгранную расчувствовавшимся стариком уже в конце первого отделения.

Известие - 2002 - 21 нояб. - с. 3.

Донато Жоао (концерт)